

ЗАЛА 18

ШКАФЪ 57

ПОЛКА 3

№ 124

Библия г. 1866  
Казанск. ун-та

Казанск. - Казанские ун-та

ан

Библия "Ведомости" 1866 г.

в 50 стр 414 - 416.

ЗАЛА 18

ШКАФЪ

ПОЛКА

№

57

3

124.

т  
с  
л  
с  
е  
с  
у  
г  
с  
м  
р  
р  
в  
м  
п  
с  
п  
о

## ПО ВОПРОСУ О СПОСОБАХЪ ОБРАЗОВАНІЯ ЧУВАШЪ.

Въ виду того, что обращеніе въ христіанство чувашъ и другихъ подобныхъ имъ инородцевъ, по способу исполненія этаго дѣла, не принесло желаемыхъ плодовъ и послѣ того какъ 25-ти лѣтнее существованіе заведенныхъ между инородцами училищъ не повысило до желаемой степени умственнаго и нравственнаго ихъ уровня и не оказало достаточнаго успѣха въ дѣлѣ національнаго объединенія этихъ пріемныхъ дѣтей съ русскимъ народомъ, — правительство и общество пришли къ убѣжденію о необходимости принять болѣе дѣйствительныя мѣры для обрусенія и религіозно-нравственнаго образованія инородцевъ.

Все, касающееся дѣла народнаго образованія вообще, а инородцевъ въ особенности, имѣетъ для меня особенный интересъ, такъ какъ, имѣвъ случай, пять лѣтъ тому назадъ, высказать взглядъ мой на способъ образованія инородцевъ \*) и, затѣмъ, провѣривъ мои воззрѣнія на потребности народнаго образованія какъ посредствомъ обмѣна мыслей въ

\*) № 47 Вят. губ. вѣдом. за 1861 г. «По пово-  
открытія частныхъ школъ въ вятской губерніи.»



званіи редактора губернскихъ вѣдомостей, такъ особенно при непосредственныхъ сношеніяхъ съ народомъ въ бытность распорядителемъ воскресной школы и мировымъ посредникомъ, я приступилъ, наконецъ, къ осуществленію моихъ убѣжденій посредствомъ составленія и изданія учебниковъ для первоначальнаго обученія чувашскихъ дѣтей. А потому искреннее сочувствіе къ заботамъ правительства и общества объ образованіи инородцевъ побуждаетъ меня изложить здѣсь нѣсколько мыслей по этому предмету.

Обрусеніе инородцевъ и просвѣщеніе ихъ, представляющіяся съ перваго взгляда какъ двѣ независимыя одна отъ другой цѣли, въ понятіи объ упроченіи общаго блага государственной семьи сливаются въ одну задачу. Ближайшіе къ народу исполнители этой задачи—училищныя совѣты, земскія и мировыя учрежденія—считаютъ, какъ кажется, вопросъ о способѣ *обрусенія* инородцевъ положительно разрѣшаемымъ посредствомъ примѣненія къ дѣлу известнаго мѣтѣна, что «усвоеніе языка усваиваетъ и народность», а потому въ настоящее время они особенно озабочены разрѣшеніемъ вопросовъ, касающихся собственно *образованія*—объ открытіи училищъ, о прискачаніи въ нихъ учениковъ и наставниковъ, объ устройствѣ учебной части и о способахъ обученія.

Имѣя въ виду высказаться по тѣмъ же самымъ вопросамъ, я считаю нужнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о значеніи *русскаго языка* въ дѣлѣ *обрусенія* и просвѣщенія инородцевъ.

Государственное право господствующаго языка,

какъ рѣшеніе вошедшее въ законную силу, не можетъ возбуждать никакихъ вопросовъ, а требуетъ только исполненія. На основаніи этого права, инородцы и иновѣрцы, безусловно принятые въ семью русскаго народа, обязаны употреблять господствующій языкъ во всѣхъ отношеніяхъ къ государственной власти и при исполненіи обязанностей государственной и общественной дѣятельности. А на этомъ основаніи, требованіе удовлетворительнаго знанія русской грамоты въ здѣшней мѣстности можетъ быть распространено на инородцевъ и иновѣрцевъ, избираемыхъ въ члены волостныхъ правленій, земскихъ управъ и другихъ учрежденій, на принимающихъ иновѣрческія духовныя должности и на учителей въ иновѣрческихъ школахъ.

Но значеніе господствующаго языка въ дѣлѣ объединенія государственной семьи составляетъ вопросъ еще не рѣшенный. такъ какъ вышеупомянутое мнѣніе, что «усвоеніе языка усваиваетъ и народность», можетъ быть признано безспорнымъ только при условіи благоприятности всѣхъ другихъ обстоятельствъ для усвоенія народности.

Очевидно, что сближеніе и затѣмъ объединеніе національностей, помимо политическихъ обстоятельствъ, совершается главнымъ образомъ подобно сближенію отдѣльныхъ личностей — именно подлѣ условіемъ *единства убѣжденій*. Минувшія и современныя отношенія разныхъ національностей доказываютъ, что единство убѣжденій религіозныхъ, какъ самыхъ прочныхъ изъ всѣхъ убѣжденій по свойству ихъ задушевности, служитъ наилучшимъ средствомъ не только къ объединенію подданныхъ одного государства, но и къ поддержанію постоянной сим-

патіи между отдаленными другъ отъ друга народами и въ обоихъ случаяхъ—независимо отъ условій единства или сродства языка, и наоборотъ разность религиозныхъ убѣжденій, при единоплеменности, сродствѣ и даже единствѣ языка, возбуждаетъ и поддерживаетъ въ природныхъ подданныхъ государства взаимную антипатію, а въ соединенныхъ по обстоятельствамъ—стремленіе къ политической независимости. Если изъ числа поволжскихъ инородцевъ татары «примыкаютъ—какъ говорятъ—своими симпатіями къ Турціи, даже—къ Хивѣ и Бухаріи» то главнымъ источникомъ такой симпатіи можно признать только единство религіи, а не сродство по языку и по происхожденію—сродство очень далекое. Между тѣмъ племя по языку самое близкое къ татарамъ—чуваши въ отношеніи къ татарской народности представляютъ такое явленіе: тѣ изъ нихъ, которые живутъ вдали отъ татаръ и которыхъ, по ихъ религиознымъ убѣжденіямъ, можно назвать крещеными полу-язычниками, тѣ не имѣютъ никакого расположенія къ татарской народности, а живущіе вмѣстѣ съ татарами крещеные чуваши, подъ очевиднымъ вліяніемъ исламизма, легко усваиваютъ татарскую народность, чуваши же язычники, тоже живущіе средѣ татаръ, упорнѣе прочихъ своихъ единоплеменниковъ отстаиваютъ свою племенную народность. Вообще, для прочнаго объединенія здѣшнихъ инородцевъ съ русскимъ народомъ не обходимо усвоеніе ими не столько русскаго языка, сколько—истинъ христіанской религіи.

Второе послѣ религіи средство, способствующее къ обрусенію инородцевъ, состоитъ въ усвоеніи ими

понятій о нравственномъ превосходствѣ русской народности. Многочисленные примѣры перехода инородческихъ семействъ въ русскія селенія и города, женитьбы инородцевъ на русскихъ и проявляющееся въ нихъ желаніе жить по русскимъ обычаямъ убѣждаютъ, что эти явленія происходятъ не вслѣдствіе усвоенія ими русскаго языка, но подѣ вліаніемъ сознательнаго уваженія ихъ къ русской народности, къ которой, безъ такого уваженія, остаются вѣднѣ равнодушными весьма многіе инородцы, ознакомившіеся съ русскимъ языкомъ по торговымъ и инымъ сношеніямъ и даже по русской школѣ. Для наилучшаго же дѣйствія этого средства, кромѣ распространенія въ массѣ инородцевъ понятій о значеніи русской народности, въ особенности желательное повышеніе, посредствомъ правильнаго образованія, умственнаго и нравственнаго уровня близкихъ къ инородцамъ сословіи русскаго народа.

А такъ какъ основныя истины христіанской религіи и понятія о значеніи русской народности могутъ быть усвоиваемы инородцами, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и безъ пособія русскаго языка; то очевидно, что оба вышепоказанныя средства, въ дѣлѣ объединенія инородцевъ съ русскимъ народомъ, имѣютъ воспитательное значеніе. Усвоеніе же русскаго языка, съ одной стороны представляя пособіе для дальнѣйшаго умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія инородцевъ, а съ другой закончивая самое дѣло обрусенія ихъ, получаетъ въ этомъ дѣлѣ значеніе средства образовательнаго. Но приниматься за образованіе, не обращая вниманія на воспитаніе— дѣло (съ педагогической точки зрѣнія) самое не

раціональное. Однакоже имено такъ поступали доселъ въ дѣлѣ обрусенія и просвѣщенія инородцевъ. Принявшись за это дѣло, дѣатели пренебрегли извѣстнымъ правиломъ, что образованіе должно восполнять недостатки воспитанія и прямо начали съ обученія инородцевъ русской грамотѣ, а потому, естественно, трудились безплодно. Въ настоящее время другіе дѣатели съ большимъ еще усердіемъ стремятся повторить капитальную ошибку прежнихъ дѣателей и, можно заранѣе сказать, будутъ трудиться тоже понапрасну, если не введутъ въ дѣло образованія инородцевъ приемовъ, восполняющихъ недостатки ихъ воспитанія. Объ этихъ приемахъ рѣчь впереди.

Вмѣсто желаемого *открытія* новыхъ училищъ въ нѣкоторыхъ инородческихъ мѣстностяхъ приводится *закрывать* и вынѣшнія за недостаткомъ средствъ на содержаніе ихъ и главнымъ образомъ, разумѣется, на жалованье наставникамъ. Такъ въ одной мѣстности изъ бывшихъ доселѣ, на 50 т. душъ муж. пола, пяти училищъ остается только одно. Подобное сокращеніе числа училищъ съ одной стороны даетъ возможность устроить остающіяся изъ нихъ въ наилучшемъ видѣ, и съ другой—представляетъ очевидное неудобство, отдаляя учащихся отъ ихъ семействъ. Неудобство это немаловажно во многихъ отношеніяхъ, а особенно потому, что даетъ родителямъ, и безъ того нерасположеннымъ къ обученію дѣтей, новый поводъ къ ропоту.

Къ такому грустному явленію, какъ закрытіе училищъ, не могутъ оставаться совершенно равнодушными тѣ, на комъ лежитъ главная забота о про-

священіи инородцевъ—ихъ духовные пастыри. Настоящій случай даетъ имъ возможность показать свое сочувствіе къ дѣлу народнаго образованія и сознание пастырскаго своего долга: они могутъ протестовать противъ закрытія училищъ предложеніемъ безвозмезднаго преподаванія. Здѣсь, кетати, я выскажу, можетъ быть, непрактичное, но твердое убѣжденіе въ томъ, что пастыри церкви *обязаны быть безвозмездными учителями*, потому что главнѣйшую обязанность священника составляютъ: просвѣщеніе прихожанъ съ самаго ихъ дѣтства евангельскимъ ученіемъ, постоянное во всю жизнь руководство ихъ въ духѣ этаго ученія и напутствованіе въ вѣчную жизнь; исправленіе же требъ есть уже вторая обязанность, вытекающая изъ добросовѣстнаго исполненія первой, такъ какъ треба, составляющая теперь непонятный для инородца обрядъ, только тогда слѣдается настоящею требой, потребой, когда будетъ требоваться прихожанномъ вполне сознательно, а не изъ какого-нибудь опасенія. Равнодушіе приходскихъ священниковъ къ дѣлу образованія было бы тѣмъ болѣе невыгодно для нихъ, что, довѣряя сочувствію ихъ къ этому дѣлу и сознанию долга, правительство утвердило за ними исключительное право обученія Закону Божіею и возложило на нихъ наблюденіе за религіозно-правственнымъ направленіемъ въ училищахъ и школахъ вообще.

За вопросомъ о наставникахъ слѣдуетъ вопросъ о *прискаіи учащихся*. Самое существованіе этаго вопроса и сужденія о преимуществахъ обязательной или добровольной системъ, доказываютъ, что со стороны самихъ инородцевъ нѣтъ соразмѣрнаго

съ предложеніемъ запроса на грамоту. Отсутствие же запроса объясняется отвращеніемъ инородцевъ отъ грамоты. А это отвращеніе порождено самою грамотою. Во всякомъ дѣлѣ, чтобы стоило заниматься имъ или жертвовать для него чѣмъ-нибудь, надобно видѣть пользу или удовольствіе. А грамота, какъ она предлагалась и предлагается инородцамъ, не можетъ доставить имъ ни той ни другаго. Родители не понимаютъ, чему и для чего учатся ихъ дѣти— *языкъ школы* единственное препятствіе къ уразумѣнію этаго; а дѣти, уже и выучившись, не въ состояніи доказать, что они учились не напрасно— *языкъ школы* обращаетъ ученье ихъ въ механическую работу, не дозволяетъ имъ усвоить науки душою и лишаетъ возможности внести ее въ семью, въ среду, въ жизнь. Чѣмъ же другимъ, если не близостью школьнаго языка къ жизни, объясняется сравнительно большій запросъ на грамоту со стороны татаръ? Введеніе въ училища чувашскихъ дѣтей первоначальнаго, и разумѣется разумнаго, *обученія на ихъ природномъ языкѣ* дастъ, прежде всего, возможность родителямъ понять цѣль грамоты и, такъ сказать, осязательно почувствовать пользу ея, а учащимся, облегчая сознательное приобрѣтеніе познаній, дастъ возможность въ своей средѣ словомъ и дѣломъ доказать превосходство сообщаемаго грамотою умственного развитія. Это—по моему твердому убѣжденію—единственное средство къ искоренѣнію естественнаго предубѣжденія инородцевъ противъ грамоты, къ возбужденію запроса на нее и къ разрѣшенію вопроса о способахъ приисканія учащихся.

Если бы, однакоже, обученіе на *народномъ*

языкъ предлагалось только для привлечения учащих-ся, то это предложеніе не стоило бы особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе во 1-хъ, что отдачу дѣтей въ училище, по мнѣнію иныхъ, можно сдѣлать и обязательно, во 2-хъ, что обученіе на народномъ языкѣ, повидимому, устраняетъ возможность обрусенія ивродцевъ и въ 3-хъ, что введеніе такого обученія, какъ и всякое нововведеніе, можетъ быть сопряжено съ разными затрудненіями. По этому мы обратимъ вниманіе сперва на достоинство принудительной системы набора учениковъ, потомъ на значеніе народнаго языка въ дѣлѣ умственнаго развитія, религіозно-нравственнаго образованія и обрусенія учащих-ся, а затѣмъ подумаемъ и о способахъ къ устраненію затрудненій при обученіи на народномъ языкѣ.

Въ защиту обязательнаго и добровольнаго обученія есть много весьма убѣдительныхъ доводовъ. Но здѣсь я упомяну только о неоспоримомъ законѣ человѣческой природы, который заставляетъ человѣка ненавидѣть принужденіе даже въ томъ, чего бы самъ онъ по доброй волѣ искренно желалъ. Дѣйствіе этаго закона тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе натура, чѣмъ невѣжественнѣе среда. Принужденіе, какъ извѣстно, вездѣ и во всемъ портитъ дѣло, къ которому принуждаютъ. Вотъ, напр., что говоритъ о плодахъ принудительнаго обученія въ Германіи, глубоко изучившій дѣло народной педагогіи графъ Л. Н. Толстой: «Въ Германіи  $\frac{9}{10}$  школьнаго населенія выносятъ изъ школы механическое умѣнье читать и писать и столь сильное отвращеніе къ испытаннымъ имъ путямъ науки, что оно въ послѣдствіи уже не беретъ книги въ руки.. Десятое поколѣніе нужно посылать въ

школу также насильно, какъ и первое». Само правительство наше не рѣшилось ввести систему обязательнаго ученья, вѣроятно, видя въ ней много стѣснительнаго для народа, и не включило въ Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ ни одной изъ тѣхъ принудительныхъ мѣръ, которыя были предположены въ проектѣ 1862 года. Ко всему этому припомнимъ незабвенныя слова Манифеста: «Да развивается повсюду, и съ новою силою, стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности». А помня эти слова, всякій, кто почувствуетъ въ себѣ пробужденіе дѣятельности по народному образованію, долженъ обратить свою дѣятельность не на принужденіе, но на развитіе въ народѣ стремленія къ образованію.

Между тѣмъ въ одномъ проектѣ предлагается уѣздному земскому собранію «назначить опредѣленное количество учениковъ соразмѣрно съ числомъ душъ извѣстной мѣстности—съ тѣмъ, чтобы избранные мальчики и оказавшіе способность къ ученью оставались въ училищахъ до полнаго обученія». Не значитъ-ли это, говоря другими словами: обратить дѣло религіозно-нравственнаго образованія въ натуральную повинность, во всемъ подобную рекрутскому набору? Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ чувашъ, по убѣжденію начальства, уже согласились на исполненіе такой повинности. А въ циркулярѣ одного изъ мировыхъ посредниковъ указывается на обязательную отдачу дѣтей въ училище, какъ на «средство для устранения невѣжества чувашъ въ образованіи и предписывается волостнымъ правленіямъ составить списки дѣтей съ 8 лѣтъ и обязательно отправлять этихъ дѣ-

тей въ училище». Здѣсь дѣло образованія обращается уже въ поголовную повинность новаго поколѣнія. Но такъ какъ при установленіи повинностей важное значеніе имѣеть отношеніе къ народу устанавливающей власти; то позволяю себѣ думать, что мировые посредники, обязанные всегда и во всемъ дѣйствовать только посредствомъ убѣжденія и разъясненія закона, подобными принудительными распоряженіями одновременно вредятъ и правильному устройству народнаго образованія и введенію въ дѣйствіе Высочайше дарованнаго крестьянамъ самоуправленія. И нѣтъ ничего удивительнаго, если инородцы, еще не усвоившіе себѣ понятія о призваніи мирового посредника, смотря на него какъ на чиновника и считая его распоряженія за произволь власти, отвѣчаютъ на нихъ противодѣйствіемъ. Вслѣдствіе упомянутаго циркуляра, напримѣръ, «производится обязательная высылка чувашскихъ дѣтей въ училища, но число учениковъ не увеличивается: привезетъ старшина или засѣдатель мальчика въ училище безъ согласія отца, кончаются учебные часы и ученикъ уходитъ домой по той простой причинѣ, что у него нѣтъ ни хлѣба ни квартиры». Между тѣмъ содѣйствіе мировыхъ посредниковъ при введеніи и упроченіи добровольной системы обученія могло бы быть благотворнымъ въ высшей степени и избавило бы ихъ отъ необходимости «предупреждать членовъ волостныхъ правленій, что нерадивые изъ нихъ по устройству училищъ будутъ подвергаемы *взысканіямъ*, а усердные представляемы къ *наградамъ* и просить священниковъ, чтобы они бесѣдовали съ прихожанами о необходимости въ настоящее время (sic) образованія

крестьянъ и тѣмъ старались *приохотить* ихъ безъ *угрозъ и силы* посылать дѣтей въ училище, не исключая и дѣвочек».—Постановленія земскихъ собраний, разумѣется, должны быть болѣе обязательными для крестьянъ, такъ какъ въ этихъ постановленіяхъ участвуютъ голоса представителей крестьянства; но, не упуская изъ вида, что крестьяне, въ особенности внородцы, не успѣли еще усвоить почти никакого понятія о представительствѣ, можно предполагать, что и постановленія земскихъ собраний, по предмету обязательнаго обученія, будутъ приводимы въ исполненіе также насильственно.—Впрочемъ, ни мировымъ ни земскимъ учрежденіямъ существующими узаконеніями не дано права принимать на себя рѣшеніе вопроса объ обязательномъ или добровольномъ обученіи: на мировыхъ посредниковъ возложенъ временно высшій надзоръ за состояніемъ училищъ, а на земство—попеченіе по хозяйственной части училищъ, съ правами устанавливать повинности на устройство этой части и наблюдать за состояніемъ училищъ, въ содержаніи которыхъ земство участвуетъ. Рѣшеніе же вопроса объ обязательности ученія принадлежитъ по праву только самимъ крестьянамъ, которые и могутъ постановить на сходахъ мірскіе приговора по этому предмету. А какъ извѣстно, что рѣшенія сходовъ исполняются крестьянами гораздо непрекословнѣе, чѣмъ предписанія начальства; то съ одной стороны было бы хорошо, если бы мірскія общества опредѣлили порядокъ назначенія дѣтей въ училище, а съ другой—такъ какъ и въ мірскихъ приговорахъ должно выражаться все-таки принужденіе членовъ общества къ обученію дѣтей; то, въ виду необходимости *переход-*

наго времени для упроченія добровольной системы остается пожелать только того, чтобы на первых порахъ подлежащая власти оставили въ своей силѣ прежній, уже привычный для крестьянъ, порядокъ выбора учащихся. За тѣмъ, принимая во вниманіе, что и прежній порядокъ все-таки составляетъ повинность, а при исполненіи повинностей важное значеніе имѣеть *уравнительность* распредѣленія, слѣдуетъ еще пожелать, чтобы земскія собранія а) освободили на извѣстное время семейства учащихся отъ какихъ-нибудь денежныхъ повинностей (на устройство училищной части и т. п.) и б) установили сборъ на содержаніе учащихся при училищахъ, отнеся тѣ и другіе расходы на счетъ прочихъ семействъ.

Обращаюсь снова къ *языку школы*. Если существующій способъ обученія инородцевъ возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе отъ грамоты: то не менѣе прискорбное чувство онъ долженъ возбуждать во всякомъ, кто признаетъ въ инородцѣ челоуѣка. Къ безчеловѣчно нельзя питать благожелательнаго чувства. А челоуѣчно-ли поступаемъ мы, усаживая чувашскаго ребенка за русскій букварь и заставляя его долбить на чуждомъ ему языкѣ молитвы, катихизисъ, исторію и пр.? Вѣдь, задача первоначальнаго обученія—пробудить и потомъ направить какъ слѣдуетъ *мыслящія силы* дѣтей—ихъ смыслъ, соображеніе, расчетъ. Вѣроятно, всякій согласится, что исполненіе этой задачи возможно при обученіи ребенка только на томъ самомъ языкѣ, который служилъ ему для пріобрѣтенія первыхъ понятій объ окружающемъ его мірѣ, на которомъ онъ уже привыкъ мыслить и выражать свои мысли и въ которомъ для него ясно и

понятно каждое слово. Лица, заботящіяся о наилучшемъ устройствѣ учебной части въ инородческихъ училищахъ, совершенно справедливо требуютъ, „чтобы порядокъ преподаванія предметовъ имѣлъ характеръ строгой постепенности, т. е. соответствовалъ постепенному развитію умственныхъ способностей дѣтей,“. А такъ какъ чувашскія дѣти поступаютъ въ училище уже съ извѣстной степенью развитія мышленія и прочихъ умственныхъ способностей; то, имѣя въ виду обученіе ихъ по-русски, для соблюденія строгой постепенности въ развитіи способностей, первымъ актомъ ученія надобно было бы постановить требованіе, чтобы чувашское дитя внезапно забыло свой языкъ и всѣмъ существомъ своего развитія превратилось въ русское дитя и за тѣмъ уже принималось за русскую грамоту. Если же такое сверхъестественное превращеніе невозможно; то, значить, уча грамотѣ чувашскаго ребенка по-русски, мы не развиваемъ, а безчеловѣчно насилуемъ умственные способности его и, убивая самостоятельность мысли, превращаемъ его въ машину. Явленіе, замѣченное графомъ Л. Н. Толстовымъ въ Германіи—пріобрѣтеніе въ школахъ только механическаго умѣнья читать и отвращеніе отъ книги по выходѣ изъ школы—повсемѣстно видимое въ грамотяхъ изъ чувашъ и другихъ инородцевъ, здѣсь справедливѣе приписать не столько дѣйствию принудительнаго ученія, сколько обученію инородцевъ по-русски. Я знаю многихъ грамотѣвъ изъ чувашъ, которые поступили въ училища и по желанію отцовъ и даже противъ ихъ воли сами уходили учиться, но, при обученіи по-русски, ни одинъ изъ нихъ не вынесъ оттуда ничего, кромѣ способности механическаго

чтенія и самых туманных познаній въ Законѣ Божіемъ. Съ мѣсяць тому назадъ, священникъ, около 15 лѣтъ занимающійся обученіемъ чувашскихъ дѣтей, говорилъ мнѣ: “Въ моемъ приходѣ грамотныхъ много, а ни одинъ не можетъ объяснить прочитаннаго по книгѣ; мы (наставники) давно бы стали учить по-чувашски, но тогда экзаменаторы, по не знанію языка, не могли бы повѣрять успѣха учениковъ...“ Грамотные чуваша и сами сознаютъ и трудность и бесполезность обученія по-русски. Недавно, нанимая въ услуженіе молодого чувашенина, я склонялъ его учиться грамотѣ; онъ пожелалъ сперва посоветоваться объ этомъ съ своимъ землякомъ—водовозомъ, который самъ учился грамотѣ (разумѣется—по-русски) и принесъ мнѣ вотъ какой отвѣтъ: “Дядя Ефимъ сказалъ, что чувашенинъ не можетъ выучиться какъ русскій: его и учить больно тяжело и учиться ему—бѣда какъ трудно“. Безъ сомнѣнія, всякій, знакомый съ дѣломъ обученія чувашскихъ дѣтей, искренно согласится съ мнѣніемъ дяди Ефима и, вѣроятно, всякій, искренно заботящійся о правильномъ развитіи умственныхъ ихъ способностей, душевно пожелаетъ, чтобы первоначальное обученіе инородцевъ происходило на ихъ природномъ языкѣ.

Но если бы инныя соображенія представляли крайнюю необходимость вести дѣло первоначальнаго обученія инородцевъ на русскомъ языкѣ, въ явный ущербъ умственному ихъ развитію; то дѣло *религиозно-нравственнаго* образованія ихъ должно быть ведено непременно *на народномъ языкѣ*. Къ такому заключенію приводятъ во 1-хъ повсемѣстная ничтожность успѣха въ обученіи инородческихъ дѣтей За-  
Гос. Публичная  
Б-ка  
в  
Самарѣ.

кону Божию по-русски и 2-хъ то обстоятельство, что

въ училищахъ, гдѣ учатся дѣти инородцевъ, обуче-  
ніе Закону Божию должно имѣть двоякую цѣль: *вос-  
питательную*—положить прочное основаніе религіоз-  
но-нравственному развитію учащихся, и *миссіонер-  
скую*—распространять посредствомъ воспитанниковъ  
училищъ христіанское просвѣщеніе въ темной массѣ  
“крещенныхъ, но не просвѣщенныхъ” инородцевъ.  
Для прочности религіозно-нравственнаго воспитанія  
недостаточно одного только *знанія* Закона Божія,  
какъ науки,—здѣсь необходимо *усвоеніе знанія ду-  
шою*, а такое усвоеніе только и возможно при по-  
средствѣ живаго языка, которымъ человѣкъ привыкъ  
говорить съ дѣтства. А для распространенія рели-  
гіозно-нравственнаго просвѣщенія въ массѣ народа  
нѣтъ другаго, болѣе вѣрнаго, средства, какъ жи-  
вая народная рѣчь и притомъ настолько народная,  
чтобы каждое ея слово было взято изъ жизни и,  
такъ сказать, само дышало жизнію. Въ этомъ дѣлѣ  
не умѣстенъ не только совершенно чужой, но и соб-  
ственный книжный языкъ народа: Спаситель въ сво-  
ихъ бесѣдахъ съ народомъ не употреблялъ книжна-  
го (еврейскаго) языка, а говорилъ народнымъ (си-  
рійско-халдейскимъ) нарѣчіемъ.—Подъ именемъ мис-  
сіонерской цѣли при обученіи инородцевъ Закону  
Божию, я разумѣю приготовленіе изъ нихъ не про-  
повѣдниковъ, а *исповѣдниковъ* Слова Божія въ своей  
средѣ. И теперь есть нѣкоторые чуваша, душою усвоив-  
шіе истинны христіанскаго вѣроученія, помимо школь-  
наго образованія, которые, въ качествѣ исповѣдни-  
ковъ своихъ религіозно-нравственныхъ убѣжденій,  
могли бы быть въ высшей степени полезны для своей  
среды; но частію одностороннее направленіе этихъ

убѣжденій, частію сознаніе въ себѣ, по ограниченному образованію, недостатка силы для борьбы съ окружающимъ и противоборствующимъ невѣжествомъ массы а всего болѣе одиночность положенія въ этой массѣ, заставляютъ ихъ покидать свою среду. Встрѣчаются, напр., въ Цивильскѣ на ярмаркѣ, два такіе чувашенина, живущіе одинъ отъ другаго на разстояніи сотни верстѣ, и, разговорившись случайно, проводятъ цѣлый день въ дружеской религіозно-нравственной бесѣдѣ. Спустя полгода одинъ изъ нихъ пишетъ другому (по-чувашски), приглашая въ Казань для дѣла “хорошаго для обоихъ и полезнаго людямъ,,. Въ отвѣтномъ письмѣ тотъ, между прочимъ сообщаетъ (по-чувашски же), что ему по говорить не съ кѣмъ, что онъ не находитъ кому бы повѣрить свои душевныя обстоятельства, что у него силы не стало жить въ деревнѣ и потому онъ ушелъ въ городъ. “Ну, Василій, я тебя больно полюбилъ и письму твоему больно обрадовался“ и пр. Если же теперь, при вышеупомянутыхъ условіяхъ, религіозно-нравственное настроеніе заставляетъ инородцевъ уходить въ среду русскаго населенія почти всегда съ явнымъ разстройствомъ домашняго матеріальнаго быта и часто въ неподозрѣваемый ущербъ благодатнаго настроенія души отъ вліянія новой среды; то можно ожидать, что при усвоеніи инородцами въ училищахъ, посредствомъ роднаго языка, такого настроенія вмѣстѣ съ достаточнымъ образованіемъ и при увеличенія въ обществѣ разумно воспитанныхъ членовъ, для нихъ уничтожится необходимость покидать свою среду и представится полная возможность оставаться въ ней полезными дѣятелями.

Необходимость религіозно-нравственнаго про-

свѣщенія инородцевъ на ихъ природныхъ языкахъ  
сознана уже давно, но лишь примѣняема была къ  
дѣлу совершенно иначе. Сознаніе это выражалось  
*переводами* на инородческіе языки Евангелія, Начат-  
ковъ Христіанскаго ученія, Псалтири, Дня святой  
жизни и другихъ книгъ. Всѣ эти изданія были и  
остаются недоступными для инородцевъ какъ по  
способу ихъ изложенія—вслѣдствіе подстрочнаго пе-  
ревода, безъ вниманія къ духу и внутреннему меха-  
низму языка, такъ еще болѣе по непривычкѣ ино-  
родцевъ, обученныхъ грамотѣ по-русски, къ толко-  
вому чтенію книгъ на родномъ языкѣ. Тогда какъ  
при обученіи на народномъ языкѣ подобныя изданія  
могутъ не только безпрепятственно достигать своего  
назначенія, но и пріобрѣсти особенную популярность  
у инородцевъ.—Кстати замѣчу, что даже сами  
сторонники обученія инородцевъ по-русски неволь-  
но высказываются въ пользу обученія на народ-  
номъ языкѣ,—то соглашаясь съ мнѣніемъ о не-  
обходимости объяснять по-чувашски изучаемое по-  
русской книгѣ,—то требуя въ училища, гдѣ учатся  
инородческія дѣти, высылки, въ видѣ пособія, пере-  
веденныхъ на народные языки книгъ,—то свидѣтель-  
ствуя, что «поднять упадокъ преподаванія Закона  
Божія въ инородческихъ училищахъ нѣтъ возмож-  
ности» и подтверждая это тѣмъ, что «здѣсь съ пре-  
подаваніемъ Закона Божія должно быть соединено  
изученіе инородческими мальчиками *русскаго языка*»  
Последняя фраза—очевидная натяжка, потому что  
съ преподаваніемъ на томъ или другомъ языкѣ  
естественнѣе соединяется необходимость знанія са-  
мымъ учителемъ языка *народнаго*.

Еще болѣе важное значеніе, въ религіозно-прав-

ственномъ образованіи, имѣть обученіе на народномъ языкѣ чувашскихъ дѣтей *въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ чувашаи живутъ вмѣстѣ съ татарами*—магометанами.

Сознаніе своей малоразвитости сравнительно съ сосѣдями, отсутствіе грамоты на своемъ языкѣ, непониманіе богослуженія и значенія обрядовъ той религіи, къ которой они причислены безсознательно, принудительная система обученія на чужомъ языкѣ при непригодномъ для жизни механизмѣ самаго ученія, близкое родство чувашскаго языка съ татарскимъ, общность многихъ житейскихъ обрядовъ, обученіе татаръ на языкѣ близкомъ къ жизни и религіозно-нравственное руководство татаръ ихъ духовенствомъ на народномъ языкѣ,—все эти въ совокупности взятая обстоятельства естественно должны возбуждать въ чувашахъ, живущихъ вмѣстѣ съ татарами: сожалѣніе, объ утратѣ своей грамоты, когда-то, по ихъ толкованію, «сѣдвенной корою», пренебреженіе къ собственному безграмотному языку, равнодушіе къ православной церкви, отвращеніе отъ русской школы, расположенность ко всему татарскому и приверженность къ ихъ народно-религіозному ученію, хотя-бы даже и безъ особенно ревностной пропаганды со стороны магометанскаго духовенства.—Здѣсь обученіе чувашъ на народномъ языкѣ, представляя общія выгоды для уничтоженія предубѣжденій противъ грамотности и для правильнаго развитія умственныхъ способностей, въ то же время должно пробудить въ чувашахъ племенное самолюбіе и уваженіе къ собственному языку, а усвоеніе христіанскихъ истинъ и возможность распространенія ихъ въ массѣ постановить наилучшій оплотъ противъ вліянія на нихъ магометанства. А какъ

известно, что во многих мѣстностях чуваши, живущіе вмѣстѣ съ татарами, свободно владѣютъ и татарскимъ языкомъ; то, въ видахъ противодѣйствія пропагандѣ исламизма, было бы особенно полезно, чтобы болѣе даровитые изъ чувашскихъ дѣтей тѣхъ мѣстностей, по окончаніи курса въ училищѣ, были посылаемы, на счетъ какихъ-бы ни было суммъ, въ казанскую школу для крещеныхъ татаръ, на предметъ приобрѣтенія опытности въ опроверженіи магометанскаго вѣроученія.

Первоначальное обученіе на народномъ языкѣ не только не устраняетъ возможности обрусенія инородцевъ, а еще напротивъ того, представляетъ самое дѣйствительное средство къ возможно скорѣйшему обрусенію ихъ. Успѣхъ въ исполненіи этой задачи вполнѣ зависитъ отъ способа обученія. Чувашскіе учебники и книги для чтенія должны быть написаны не иначе какъ русскими гражданскими буквами съ необходимыми для чувашскихъ звуковъ знаками, по возможности подходящими къ русскимъ буквамъ. Определенный курсъ обученія чувашскихъ дѣтей долженъ быть раздѣленъ на два періода такъ, чтобы дѣти учились: въ первый періодъ—Закону Божію (молитвамъ, катихизису, священной исторіи, объясненію праздниковъ), чтенію, письму и счисленію—*по-чувашски* и русскому разговорному языку, а во второй періодъ—чтенію сперва русскихъ (гражданской печати), а потомъ славянскихъ (церковной печати) книгъ съ непремѣннымъ переводомъ читаемаго на чувашскій языкъ, объясненію литургіи, правиламъ русскаго правописанія и церковному пѣнію на славянскомъ и чувашскомъ языкахъ. Такой способъ, удовлетворяя требованію постепенности въ

развитіи способностей, почти незамѣтно приучить инородца къ русскому языку и русской грамотѣ, а навѣкъ въ толковомъ чтеніи книгъ съ приобретениемъ возможности объяснять содержаніе прочитаннаго, возбудить въ нихъ любознательность и охоту къ чтенію книгъ преимущественно русскихъ, какъ болѣе увлекающихъ разнообразнымъ содержаніемъ. При всемъ этомъ въ инородцѣ естественно должна развиваться особенная страсть говорить по-русски при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ пособіе къ этому полезно а.) учредить при училищахъ *библіотеки* для бесплатнаго пользованія книгами для чтенія, а также *продажу* общепользныхъ *книгъ* и *письменныхъ принадлежностей*, и б.) установить, чтобы окончившіе курсъ ученія инородцы и инородки въ слѣдующіе два-три года являлись въ училище на годовичные экзамены для *предъявленія усовершенствованія* въ русскомъ языкѣ, въ чтеніи русскихъ книгъ и въ веденіи записокъ (дневниковъ) о своихъ занятіяхъ съ сужденіемъ объ обычаяхъ и жизненныхъ явленіяхъ своей среды и о прочитанныхъ книгахъ. Для поощренія такихъ занятій должны быть установлены денежныя или другія награды.—Все это въ совокупности будетъ имѣть благотворное вліяніе на распространеніе въ народѣ толковой русской грамотности и представляетъ самый вѣрный и единственный путь къ возможно-скорѣйшему обрусенію чувашъ.

Для обученія инородцевъ на народномъ языкѣ по предлагаемому способу требуются: 1.) отъ самаго наставника—отчетливое знаніе народнаго языка и умѣнье свободно владѣть имъ, 2.) достаточное знакомство наставника съ методами народнаго обученія и 3.) учебники на народномъ языкѣ инородцевъ.

Для удовлетворенія первой потребности нѣтъ, по видимому, никакого затрудненія, потому что «Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ» преподаваніе Закона Божія предоставляется исключительно приходскому священнику, а приходскій священникъ обязанъ знать въ совершенствѣ языкъ своихъ прихожанъ, такъ какъ безъ того онъ не только не можетъ быть просвѣтителемъ и руководителемъ своей паствы, но даже не будетъ въ состояніи исповѣдать прихожанина. По отчетамъ всѣ священники въ чувашскихъ селахъ «знаютъ» мѣстный языкъ, но въ дѣйствительности это далеко не такъ: не мало священниковъ, которые вовсе не знаютъ чувашскаго языка, другіе, хорошо владѣя разговорнымъ языкомъ, не имѣютъ понятія о законахъ его, третьи не могутъ свободно объясняться на этомъ языкѣ, а знаютъ лишь извѣстные «Правила» его, которыя, однакоже, не даютъ никакого понятія о законахъ чувашскаго языка, какъ тюркскаго нарѣчія. Но все-таки и при этомъ многіе священники могутъ приняться за обученіе чувашскихъ дѣтей въ училищахъ на народномъ языкѣ. Въ совершенствѣ же могутъ исполнять эту задачу *наставники изъ среды самихъ инородцевъ*. Необходимость приготовления такихъ наставниковъ официально заявляется со стороны самихъ священниковъ и мнѣ остается только сказать, что я совершенно раздѣляю это мнѣніе.

Само правительство признавая, что главная обязанность приходскихъ священниковъ должна состоять въ просвѣщеніи паствы и что по этому знаніе способовъ обученія составляетъ для нихъ предметъ крайней необходимости, распорядилось ввести въ семинарскій курсъ преподаваніе педагогики. Же-

лательно только, чтобы при этомъ преподаваніи болѣе всего было обращено вниманія на методы начального народнаго обученія. Объ этихъ методахъ, какъ предметъ особенной важности, я имѣю въ виду поговорить подробно въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь упомяну только, что обученіе инородцевъ Закону Божию должно быть устное, а не по книгамъ, преподаваніе священной исторіи—на рассказъ по картинамъ, изображающимъ событія, обученіе чтенію—по звуковой методѣ, счисленіе и разрѣшеніе задачъ—преимущественно умственное.

Твердое убѣжденіе въ необходимости первоначальнаго обученія инородцевъ на ихъ природныхъ языкахъ побудило меня приняться за составленіе и изданіе слѣдующихъ книгъ для обученія чувашскихъ дѣтей на ихъ народномъ языкѣ:

а.) «*Чуваш кнеге*», въ ней содержится: пріученіе къ чтенію по звуковой методѣ, правоученія, главнѣйшія молитвы, Символь Вѣры, Десять заповѣдей, главнѣйшія заповѣди Христовы, рассказъ объ Іосифѣ, изображеніе цифръ и таблица умноженія. (Эта книга въ цензурѣ.) Къ ней въ пособіе,

б.) «*Чувашла волама шотлама да виренни*» (ученіе чтенію и счисленію по-чувашски). Въ ней изложены по чувашски (въ пособіе наставнику) объясненія звуковой методы обученія чтенію, статьи руководствующія къ правильному чтенію и правописанію, элементарныя понятія о счисленіи устнымъ, на счетахъ и письменномъ и о главныхъ способахъ счисленія. (Эта книга вышла изъ цензуры). Къ ней приложено:

в.) «*Руководство*», для обученія по упомянутымъ двумъ книгамъ (вышло изъ цензуры).

г.) «Сѣдалык книга» — чувашскій календарь на 1867 годъ, для обученія объясненію праздниковъ и для пріученія чувашъ къ благовременности христіанской жизни. Здѣсь, кромѣ краткихъ святцевъ находятся: указаніе несомвѣстныхъ съ исповѣданіемъ православной вѣры обрядовъ и обычаевъ, указаніе на значеніе и важность несоблюдаемыхъ чувашами христіанскихъ обрядовъ и таинствъ и ознакомленіе съ главнѣйшими событіями изъ русской исторіи по отношенію ихъ къ церковнымъ праздникамъ. (Отпечатанъ.)

д.) «Тора халыын борнызы» — св. исторія ветхаго завета (приготавливается въ цензуру). Составляются:

е.) Изложеніе катихизиса и обязанностей христіанскихъ — въ видѣ удобнаго для разсказа толкованія Молитвы Господней, Символа Вѣры, Заповѣдей и пр.

ж.) Переводъ Евангелія пересматривается.

з.) Краткое объясненіе литургіи на чувашскомъ языкѣ съ переводомъ эктеній, пѣсней, возгласовъ и пр. при славянскомъ текстѣ.

и.) Изложеніе основныхъ правилъ чувашскаго языка — какъ тюркскаго нарѣчія.

і.) Для обученія по звуковой методѣ изданы: *подвижная азбука* для разрѣзки буквъ на карточки.

к.) «Упрощенный способъ обученія чтенію». Учебникъ этотъ можетъ быть пособіемъ для ознакомленія съ обученіемъ по звуковой методѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ брошюръ «Руководства» и

л.) «Книжки для упражненій въ чтеніи»

4 декабря 1866 года.

Цензурою дозволено. 6 декабря 1866 года Казань.

Въ Губернской Типографіи.



Золотницкій.

.  
.  
)  
D  
-  
.  
.  
B  
I  
-  
:  
.  
-  
B  
+  
.  
m

